

ЦИФРОВИЗАЦИЯ

DOI: [10.14515/monitoring.2020.6.1749](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1749)

А. В. Андреевкова

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОНТАКТОВ СРЕДИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА

Правильная ссылка на статью:

Андреевкова А. В. Цифровизация социальных контактов среди студенческой молодежи в России во время пандемии коронавируса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 403—426. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1749>.

For citation:

Andreevkova A. V. (2020) Digitalization of Social Contacts Among University Students in Russia During COVID-19. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 403–426. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1749>. (In Russ.)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОНТАКТОВ СРЕДИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА

АНДРЕЕНКОВА Анна Владимировна — доктор социологических наук, ведущий исследователь, Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ), Москва, Россия

E-MAIL: cessi@cessi.ru

https://orcid.org/0000-0002-6776-7703

DIGITALIZATION OF SOCIAL CONTACTS AMONG UNIVERSITY STUDENTS IN RUSSIA DURING COVID-19

Anna V. ANDREENKOVA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Senior Researcher

E-MAIL: cessi@cessi.ru

https://orcid.org/0000-0002-6776-7703

¹ Institute for Comparative Social Research (CESSI), Moscow, Russia

Аннотация. Внедрение цифровых технологий приводит к изменениям во многих областях социальной жизни, постепенному переходу к «цифровому обществу». Карантинные меры по предотвращению распространения COVID-19 стали стимулирующим фактором развития цифровых социальных контактов. В первую очередь эти изменения затрагивают молодежь. Данные сравнительного исследования «Международный опрос о благополучии студентов в период коронавируса» (ISSC—МОБС) показывают, что во время режима самоизоляции социальные контакты остались важнейшим элементом образа жизни студенческой молодежи благодаря использованию цифровых форм взаимодействия. Внедрение цифровых технологий в социальную жизнь повысило интенсивность межпоколенных, личных и общих социальных контактов. В период карантина цифровые коммуникации позволили существенно снизить риски социальной изоляции, сохранить социальные связи, поддержать стабильность системы социальных отношений.

Цифровые контакты не становятся заменой личному общению с семьей, партнером и близким кругом людей,

Abstract. Introduction of digital technologies affects different aspects of social life and leads to a gradual shift to digital society. Lockdown measures restricting social contacts to prevent the spread of COVID-19 boosted digital interactions, and these changes primarily concern the youth. The data of the Covid-19 International Student Well-being Study suggest that digital format enabled students to interact with each other during self-isolation. Penetration of digital technologies into life intensified inter-generational, interpersonal and common social interactions. Digital communications helped to reduce the risks of social isolation, to maintain social relationships and to keep the system of social relationships stable during the COVID-19 self-isolation.

Digital contacts are not aimed at replacing personal communication with family, partners or friends or diminishing the intensity of such contacts; instead, they just complement the existing opportunities. Intense communication with the immediate circle in whatever format has a positive impact on individual's social well-being and mental health and may prevent depression and loneliness sparking positive emotions. On the contrary, excessive social media usage,

не ведут к меньшей интенсивности таких контактов, а дополняют имеющиеся возможности. Форма социальных контактов и субъекты контактов значимо влияют на социально-психологическое состояние людей во время карантинных мер. Интенсивное общение с близкими людьми в любой, в том числе цифровой, форме положительным образом сказывается на социально-психологическом состоянии, снижает вероятность проявления симптомов депрессии и одиночества, стимулирует положительные эмоции. Однако длительное время, проведенное в социальных сетях, безличные формы контактов без установления стабильной эмоциональной связи, напротив, ведут к увеличению симптомов депрессии, негативно влияют на социально-психологическое самочувствие студенческой молодежи.

Влияние цифровизации двойственно: оно ведет к расширению возможностей для социальных контактов с близкими людьми в кризисных ситуациях или в условиях территориальной удаленности, но в случае интенсивного погружения в мир цифровых социальных сетей оказывает негативный социально-психологический эффект.

Ключевые слова: цифровизация социальных контактов, интенсивность социальных контактов, формы социальных контактов, социальные последствия эпидемии COVID-19, социально-психологическое самочувствие, депрессия, Международный опрос о благополучии студентов в период коронавируса (МОБС)

impersonal form of contacts ending up a failure to develop stable emotional bonds may result in depression and negatively impact student social and emotional well-being.

Digitalization has a dual character: it can expand opportunities for social contacts with the immediate social circle in times of crisis or long-distance communication but heavy use of social media may have negative social and psychological impact.

Keywords: digitalization of social contacts, intensity of social contacts, forms of social contacts, social consequences of COVID-19, depression, International Student Well-being Study, social and mental well-being

Цифровизация социальных контактов как глобальный процесс

В последнее десятилетие происходят радикальные изменения в формах и способах установления и поддержания социальных связей. Одним из основных трендов является цифровизация социальных контактов, затронувшая большинство стран мира, в том числе Россию. Однако скорость, с которой этот процесс протекает в разных странах, неодинакова [Davudov, 2020] и определяется темпами внедрения и распространения новых технологий, развитостью инфраструктуры, культурной среды, благоприятствующей или, наоборот, препятствующей освоению инноваций, осознанием потребностей в новых формах коммуникации среди разных групп населения.

Технологические инновации и расширяющиеся возможности в организации социальных связей ведут к изменениям в самых разных областях жизни людей — в трудовых отношениях, доступе к образованию и организации образовательного процесса, взаимоотношениях между гражданами и государством [Агеев и др., 2017; Гнатышина, Саламатов, 2017; Жулего и др., 2019; Katzenbach, Bächle, 2019]. Но именно в области социальных контактов, составляющих саму основу жизни общества и показавших высокую устойчивость к изменениям даже в условиях высокой турбулентности социально-экономических и политических процессов XX — начала XXI века, цифровизация открывает совершенно новые перспективы и возможности.

Как технологический и одновременно социально-культурный процесс цифровизация представляет собой новый способ социального взаимодействия. Она включает передачу вербальной, письменной и визуальной информации через каналы-посредники — устройства или цифровые системы (смартфоны, системы обмена электронными сообщениями, системы видеокommunikации, социальные сети). Несмотря на технический характер, цифровизация повлияла практически на все аспекты межличностных контактов [Marlowe, Bartley, Collins, 2016] — состав участников, «круг общения», виды информации, являющейся предметом обмена, частоту и интенсивность контактов, их место в общем бюджете времени людей. Новые способы коммуникации влияют на социально-психологическое состояние людей, их представления о включенности в социальное пространство, плотность и разнообразие социальных сетей и связей, в которых находится человек [Boulianne, Yannis, 2020].

Основное внимание в научных исследованиях последнего десятилетия уделялось проблемам виртуализации общения и особенностям коммуникаций в виртуальной или киберсреде [Горошко, 2012; Первушина, Савушкин, 2017], последствиям виртуализации — обезличиванию социальных контактов, их формализации, нарушению границ частной жизни и информационной безопасности, возникновению интернет-зависимости [Патрикеева, 2015; Коваленко, 2011], а также влиянию виртуальной коммуникации на навыки межличностного общения и построение стабильных отношений в семье [Onyeator, Okpara, 2019]. Однако комплексного взгляда в социологии и социальной психологии на трансформацию социальных контактов в условиях цифровизации пока выработано не было.

Предыдущие исследования показали, что молодежь, обладающая более развитыми способностями, навыками и мотивационными стимулами для освоения новых коммуникационных возможностей, лидирует в процессе трансформации

социальных контактов практически во всех странах¹. Она первой усваивает, тестирует и внедряет новые формы и способы общения, каналы межличностной коммуникации [Коршунова, 2019].

Можно предположить, что в условиях пандемии, ограничительных мер в отношении традиционных форм социальных контактов эти процессы будут ускоряться. Вводимые во многих странах ограничения по распространению инфекции — карантин, режимы самоизоляции и другие меры по сокращению физических контактов — могут оказать стимулирующее влияние на скорость освоения новых способов коммуникации, запустить режим «тестирования» таких форм даже среди тех групп, которые раньше такими возможностями не пользовались.

Студенческая молодежь — одна из наиболее затронутых карантинными мерами групп. Последствия ограничительных мер для молодежи в значительной степени отличаются от последствий для других социальных групп в силу особенностей образа жизни, источников финансовой стабильности, жилищных условий, мобильности, целей получения образования и построения карьеры. Социальные контакты, общение — важнейшая часть образа жизни молодежи, один из главных способов социализации, а также получения опыта и навыков поддержания социальных связей, их установления в семейно-брачных, широких межличностных, профессиональных и других отношениях, важная часть профессионального обучения [Пеньков, Маркарян, 2018]. На этом жизненном этапе в процессе становления и формирования личности человека и построении своей судьбы встает несколько ключевых задач — обучение общим и профессиональным знаниям и навыкам, продолжение социализации, поиск идентичности и раскрытие своих особенностей и способностей — определение себя, своих целей, возможностей. В этот период круг общения обычно наиболее широк и включает межпоколенное общение, поиск и построение отношений с личным партнером, ближним кругом друзей, широким кругом людей по интересам, установление первых профессиональных связей — с сокурсниками, преподавателями, коллегами.

Задачей данного исследования является изучение влияния, которое оказывает расширение цифровых коммуникаций на традиционные социальные контакты с разными субъектами, выступая либо заменой, либо дополнением к существующим традиционным формам контактов. Перед нами стоит важный исследовательский вопрос о долговременности намеченных в условиях карантинных мер изменений в формах и способах социальных контактов, а также влияние этих процессов на социально-психологическое благополучие людей. Нам предстоит проверить гипотезу о том, что цифровизация социальных контактов ведет к смягчению психологических и социальных последствий карантинных мер.

Эмпирическая база исследования — Международный опрос о благополучии студентов в период коронавируса (CISSWS-МОБС)

Для решения поставленных задач и проверки выдвинутых гипотез используются данные Международного опроса о благополучии студентов в период коро-

¹ Pew Global Attitudes Project. Global Digital Communication: Texting, Social Networking Popular Worldwide. 2011. URL: <https://www.pewresearch.org/global/wp-content/uploads/sites/2/2011/12/Pew-Global-Attitudes-Technology-Report-FINAL-December-20-2011.pdf> (accessed: 10.12.2020).

навируса (CISSWS-MOBS). Исследование представляет собой академический сравнительный проект о влиянии пандемии коронавируса, карантинных и других ограничительных защитных мер общенационального, регионального и внутриорганизационного уровня на разные стороны жизни студенческой молодежи — образовательный процесс, качество образования, занятость, экономическое положение, а также социальные контакты и социально-психологическое состояние.

Исследование проведено по единой программе в 25 странах, включая 20 стран Западной и Восточной Европы, Россию, Израиль, Турцию, Канаду и ЮАР при координации университетов Гента и Антверпена². В каждой стране опрашивались студенты высших учебных заведений всех уровней (бакалавриат, магистратура, аспирантура). В России исследование проводилось Институтом сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ) под научным руководством А. В. Андрееenkовой методом онлайн-опроса студентов высших учебных заведений очной формы обучения в апреле — мае 2020 г. В выборку вошли студенты двух ведущих университетов страны (МГУ им. М. В. Ломоносова и Санкт-Петербургский государственный университет), двух педагогических вузов Москвы и Санкт-Петербурга (Московский государственный педагогический университет и Российский Государственный Педагогический Университет им. А. И. Герцена), а также других вузов России, включенных в список с помощью процедуры случайного отбора. Такой подход позволяет проводить анализ данных на общенациональном, региональном уровне и межорганизационном (межвузовском) уровне. Всего в опросе приняли участие 2738 студентов разных уровней обучения по разным специальностям и направлениям³.

Понятийный аппарат изучения социального взаимодействия людей для установления стабильных социальных связей обширен и меняется в зависимости от социальной дисциплины (в частности, социологии и социальной психологии), научной школы или даже задач конкретного исследования. Многие термины используются как взаимозаменяемые, потому что их значение в разных научных школах варьируется. В рамках данного исследования под *социальными контактами* мы подразумеваем способ установления и поддержания реальных социальных связей в отличие от символических (через идентичность или чувство принадлежности, близости), который может осуществляться как информационный обмен («межличностной коммуникации»), как сочетание информационного и эмоционально-чувственного обмена («социального общения») или в форме совместной деятельности («межличностное взаимодействие»).

В ходе исследования измерялись разные составляющие социальных контактов — субъекты, формы и способы осуществления контактов. К *субъектам социальных контактов* отнесены родительская семья, партнер или супруг, с которым строятся стабильные отношения, друзья, коллеги и широкий социальный круг без тесных личных отношений. Среди *социальных контактов* были выделены цифровые и традиционные контакты лицом к лицу — «живое», или очное, общение, которое строится на визуальных, слуховых и невербальных стимулах. Среди *цифровых*

² International Survey on Wellbeing of Students. 2020. URL: <https://www.uantwerpen.be/en/research-groups/centre-population-family-health/research2/covid-19-internation/> (accessed: 10.12.2020).

³ ЦЕССИ. Международный опрос о благополучии студентов в период коронавируса. 2020. URL: <https://www.cessi.ru/opros-studentov-coronaviruse> (дата обращения 11.12.2020).

контактов мы различаем устное телефонное общение (аудиостимулы), аудиовизуальное (видеотелефония) и текстовое, или письменное (включающее обмен текстами, знаками, визуальными образами, звуковыми материалами, ссылками). В письменных цифровых контактах выделяются пассивное и активное общение (чтение материалов и производство таких материалов), контакты индивидуальные, диалоговые (электронные письма) и открытые групповые (в социальных сетях, интернет-форумы).

Включенность в разные формы социальных контактов измерялась прямыми вопросами о поведении (приходилось ли делать это за определенный период времени) и методом «бюджета времени» — определением того, какая часть времени тратится на разные виды социальных контактов (косвенный показатель значимости каждого способа (канала)). Согласно теории социальной принадлежности [Hill, 1988] и теории саморазвития [Ickes, Duck 2000], количество совместно проведенного времени увеличивает взаимопонимание и взаимную приверженность, укрепляя качество отношений. Например, время, проведенное с членами семьи, является важнейшим фактором качества отношений «родитель — ребенок» [Hochschild, 1997; Roeters, Van der Lippe, Kluwer, 2010].

Влияние карантинных мер и пандемии на широту и интенсивность социальных контактов

Исследование показало, что пандемия и карантинные меры по предотвращению ее распространения, принятые в России с конца марта 2020 г., существенным образом повлияли на формы и каналы социальных контактов студенческой молодежи с разными субъектами взаимодействия. В этот период, по оценке самих респондентов, изменилась частота их общения с семьей: у 41 % опрошенных она увеличилась, у 10 % — уменьшилась, а у остальных осталась на прежнем уровне. В то же время контакты с друзьями и сверстниками сократились у значительной доли респондентов — 47 % (на прежнем уровне они остались у 36 % опрошенных). Больше всего изменения коснулись студентов в Москве, чуть в меньшей степени — в Санкт-Петербурге, менее заметны они в других городах страны. Время общения с родительской семьей в наибольшей степени увеличилось у студентов самой младшей возрастной группы до 18—22 лет. Вероятно, это связано с изменением места жительства — переездом из общежитий к родителям, возвращением в родительский дом. Студентов более старших возрастов, многие из которых уже образовали свои семьи, такие изменения затронули в меньшей степени.

Формы контактов

Наиболее распространенным видом социальных контактов во время карантинных мер стала письменная коммуникация (чтение информации и переписка в социальных сетях с друзьями и широким кругом людей) — ее охват составил более 95 % опрошенных. За ним следуют регулярные личные контакты с членами семьи, с которыми живет респондент (82 %), и цифровые контакты в аудио-видео-формате (по телефону или видеосвязи). Традиционные личные контакты за пределами круга людей с совместным проживанием во время эпидемии имеют значительно меньший охват (см. табл. 1).

В период карантинных мер произошла дифференциация форм и каналов социальных контактов российских студентов с участниками взаимодействия. Увеличилась распространенность и частота контактов с семьей и родственниками лицом к лицу за счет объединения с семьей на одной территории, личные очные контакты со всеми другими группами сократились и перешли в другие форматы — электронной переписки и телефонного (в том числе видео) общения. На время ограничительных и карантинных мер цифровые социальные контакты стали доминирующими и основными для подавляющего большинства этой группы. Наиболее вероятно, что эти изменения носят кратковременный характер, однако приобретенный опыт и открывшиеся возможности могут способствовать тому, что цифровые социальные контакты не будут полностью заменены и вытеснены, а, скорее всего, станут дополнением, расширят имеющиеся формы социальных контактов.

Таблица 1. Охват и интенсивность социальных контактов по субъектам взаимодействия

Формы социальных контактов по субъектам	Тип контакта	Субъект контакта (широта социальной сети)	Охват (% тех, кто это делает)	Интенсивность (среднее количество минут в день среди тех, кто пользуется этой формой контактов)
С членами родительской семьи личное	Личное очное	Семья	82 %	218 мин.
С супругом партнером личное	Личное очное	Семья	13 %	178 мин.
Чтение информации в социальных сетях	Цифровое письменное	Широкий, открытый, групповой или безличный	95 %	171 мин.
Переписка в социальных сетях	Цифровое письменное	Широкий, открытый, групповой или безличный	94 %	171 мин.
С супругом/партнером по переписке	Цифровое письменное	Семья	30 %	158 мин.
С друзьями по переписке	Цифровое письменное	Друзья ограниченный круг	92 %	137 мин.
С друзьями лично	Цифровое аудио-видео	Друзья ограниченный круг	28 %	123 мин.
С супругом/партнером по телефону или видеосвязи	Цифровое аудио-видео	Семья	24 %	112 мин.
С коллегами по телефону	Традиционное аудио	Коллеги, широкий круг	35 %	89 мин.
С друзьями по телефону или видеосвязи	Цифровое аудио-видео	Друзья, близкий круг	67 %	86 мин.

Формы социальных контактов по субъектам	Тип контакта	Субъект контакта (широта социальной сети)	Охват (% тех, кто это делает)	Интенсивность (среднее количество минут в день среди тех, кто пользуется этой формой контактов)
С членами родительской семьи по телефону или интернету	Цифровое письменное или аудио	Семья	72 %	73 мин.
С коллегами по переписке	Цифровое письменное	Коллеги, широкий круг	52 %	69 мин.

Примечание. В МОБС из 2700 респондентов полная информация о бюджетах времени была получена от 2500 респондентов, что и послужило базой для всех дальнейших вычислений.

Частота контактов, бюджет времени на социальные контакты

Как показало исследование, социальные контакты занимают одно из важнейших мест в каждодневной жизни студенческой молодежи, что подтверждает результаты других исследований [Голубева, 2018]. Даже при условии возможных преувеличений, характерных для измерения показателей времени, затрачиваемых на регулярные и длительные действия в прямой (недневниковой) форме вопроса, можно говорить, что большая часть дня студента во время карантина проходила в общении, которое носило практически непрерывный характер, пересекаясь со многими другими делами и действиями (см. табл. 2).

Центральная роль социальных контактов в каждодневной жизни характерна для самых молодых студентов. С возрастом их значение постепенно уменьшается, замещаясь другими действиями и активностью. Не только межгрупповые, но и внутригрупповые различия во времени, затраченном на социальные контакты, оказались довольно велики: разброс значений времени на разные формы контактов вокруг средней, выраженный в стандартном отклонении (σ), близок или превышает среднее значение по выборке. То есть можно говорить, что внутри всех возрастных групп время общения и его значимость, вес в общем бюджете времени в значительной степени зависят от индивидуальных факторов.

Таблица 2. Бюджеты времени на социальные контакты по основным социально-демографическим группам и регионам

Время на контакты (минуты в день)	Всего	Регионы			Возрастные группы				Пол	
		Москва	Санкт-Петербург	Другие города	Менее 20 лет	21—22 года	23—25 лет	26 и старше	Мужчины	Женщины
<i>Время на все формы социальных контактов</i>										
Средняя по выборке (Mean)	937	919	916	1061	981	897	876	719	773	989
Стандарт. отклонение (stdv)	725	717	701	807	743	708	697	562	689	729
% Непрерывное (фоновое)	64 %	64 %	63 %	67 %	66 %	61 %	60 %	58 %	52 %	68 %
% Высокая интенсивность	24 %	24 %	25 %	21 %	22 %	25 %	27 %	25 %	32 %	22 %
% Средняя	8 %	9 %	7 %	8 %	8 %	9 %	7 %	11 %	11 %	7 %

Время на контакты (минуты в день)	Всего	Регионы			Возрастные группы				Пол	
		Москва	Санкт-Петербург	Другие города	Менее 20 лет	21—22 года	23—25 лет	26 и старше	Мужчины	Женщины
% Низкая	2%	2%	3%	2%	2%	2%	3%	5%	2%	2%
Никакая	2%	1%	2%	2%	2%	1%	2%	1%	4%	1%
<i>Личные очные контакты</i>										
Средняя по выборке (Mean)	254	246	250	298	255	249	270	229	191	274
Стандарт. отклонение (stdv)	245	237	241	275	247	238	254	227	216	250
% Непрерывное (фоновое)	14%	13%	14%	18%	14%	14%	17%	14%	8%	16%
% Высокая интенсивность	39%	40%	38%	42%	40%	40%	37%	40%	32%	42%
% Средняя	25%	25%	25%	22%	25%	24%	24%	19%	30%	23%
% Низкая	13%	14%	12%	12%	13%	13%	13%	13%	18%	11%
Не общается в этой форме	9%	7%	11%	6%	8%	10%	9%	15%	12%	8%
<i>Контакт в аудио- или видеоформе</i>										
Средняя по выборке (Mean)	168	165	166	181	173	158	169	150	145	175
Стандарт. отклонение (stdv)	197	191	196	214	203	188	195	162	190	198
% Непрерывное (фоновое)	5%	5%	6%	7%	6%	5%	6%	4%	4%	6%
% Высокая интенсивность	31%	31%	29%	32%	32%	28%	32%	30%	25%	32%
% Средняя	29%	28%	30%	28%	28%	30%	29%	34%	29%	29%
% Низкая	27%	28%	27%	24%	26%	30%	25%	26%	30%	26%
Не общается в этой форме	8%	7%	8%	9%	9%	6%	9%	6%	11%	7%
<i>Цифровые письменные контакты</i>										
Средняя по выборке (Mean)	533	529	518	588	566	508	474	364	440	562
Стандарт. отклонение (stdv)	468	470	447	515	474	474	426	390	449	470
% Непрерывное (фоновое)	37%	36%	38%	40%	41%	34%	33%	24%	27%	41%
% Высокая интенсивность	38%	39%	37%	37%	38%	37%	41%	39%	41%	37%
% Средняя	15%	15%	15%	13%	13%	17%	16%	24%	19%	14%
% Низкая	8%	8%	8%	8%	7%	10%	8%	11%	9%	8%
Не общается в этой форме	2%	2%	3%	2%	2%	1%	2%	3%	4%	1%

Примечание. Для всех форм социальных контактов высокая интенсивность определена как 180 мин. в день и больше, средняя — 60—180 мин., низкая — менее 60 мин. в день.

Основными субъектами социальных контактов для молодых людей, обучающихся в вузах, являются родители и члены родительской семьи (см. приложение 1). Возврат в родительский дом в постподростковый период времени (студенческой фазы), увеличение времени совместного проживания студентов в родительской семье ведет к общей интенсификации межпоколенной коммуникации и взаимодействия, но также может иметь и другие социально-экономические последствия, влияя на общий процесс взросления, установление более прочных «взрослых» связей с многопоколенной семьей. Такое новое явление, вызванное карантинными мерами, несмотря на свою вероятную краткосрочность, может оказать и более долгосрочное влияние на социальные связи молодого поколения с семьей, создать основу для более интенсивного взаимодействия детей и родителей, создать новую «взрослую» повестку общения по взрослым правилам. Но нельзя исключить и рост конфликтности в отношениях родителей и детей, увеличение длительности родительской опеки и, в результате, обострение трудностей социализации молодых людей и их адаптации к самостоятельной взрослой жизни.

Одно из центральных мест в бюджете времени студенческой молодежи занимают контакты с личным партнером. Во время карантинных мер такие контакты осуществлялись во всех основных формах: традиционной личной очной, цифровой письменной и устной по телефону и видеосвязи. Цифровые технологии расширили возможности для разных форм социальных контактов помимо очного, позволили увеличить их интенсивность и частоту, что, возможно, положительно скажется на качестве отношений, позволит людям лучше узнать друг друга на добрачной стадии и таким образом послужит укреплению браков.

Если ключевое место общения с партнером в общей структуре социальных контактов молодых людей не является чем-то новым, то распространенность и интенсивность контактов с широким кругом лиц открытого характера (групповое общение) в социальных сетях, занимающее второе место по затрачиваемому времени после общения с семьей и партнером, существенным образом отличает новое поколение от более старших. Примерно равное время в цифровых контактах занимают пассивное потребление информации и активное общение. В этом проявляется многозначная роль социальных сетей и как канала и способа общения, и как источника социальной информации — политической, экономической, культурной, развлекательной.

На третьем месте по затрачиваемому времени стоят контакты с друзьями — ограниченным, но обычно довольно широким для этой возрастной группы кругом близких знакомых, единомышленников, сокурсников. При контактах с такими субъектами взаимодействия большую часть времени занимает общение в электронной письменной форме, немного меньше времени тратится на личное очное общение и значительно меньше — на устное общение по телефону и видеосвязи. Коллеги как субъект контактов значительно отстают от личного круга, основным способом общения с ними является телефонное устное и меньше времени занимает письменное электронное общение.

Наиболее широкий охват (доля тех, кто использует такую форму социальных контактов) имеют активные и пассивные цифровые письменные контакты — чтение или переписка в социальных сетях или переписка с друзьями. По затрачиваемому

му времени такие социальные контакты занимают одно из самых высоких мест в бюджетах времени студенческой молодежи.

Второе место по широте охвата — личные очные контакты. В случае проживания в родительском доме такое общение еще и наиболее интенсивно — оно занимает максимальное время. Очным контактам с партнером или супругом также отводится значительная часть бюджета времени тех, у кого такие контакты есть. Если с родственниками (в первую очередь родителями, затем братьями и сестрами) интенсивные по времени контакты происходят лишь очно, то общение с партнером или супругом реализуется во всех известных формах — не только личной очной, но и устной по аудио-видеосвязи, а также письменной цифровой.

Цифровые письменные контакты включают в себя общение с несколькими основными субъектами. Наиболее интенсивны по времени контакты в социальных сетях, за ними следует общение с партнером, затем с друзьями и с большим отрывом — с коллегами. Общение по аудио-видеосвязи значительно более ограничено по времени в сравнении с личным очным или цифровым письменным общением. Больше всего времени занимают общение с партнером в аудиоформате (в среднем 112 мин. в день), общение с коллегами и друзьями (89 мин. в день) и телефонное общение с членами семьи (73 мин. в среднем).

На основе полученных данных выявилась еще одна особенность в распределении времени на социальные контакты среди студенческой молодежи. Часть таких контактов сконцентрированы во времени, имеют *целевой характер*, а часть осуществляются непрерывно и служат постоянным сопровождением другой деятельности, имеют *фоновый характер*. Фоновый характер определенных действий характерен для ежедневных практик не только среди молодежи, но и среди других возрастных групп. Для людей старшего возраста такой «фоновой» деятельностью часто является прослушивание радио, для людей молодого и среднего возраста, занимающихся домашним хозяйством, — просмотр телевизора. Для респондентов, указавших, что включены в разные формы социальных контактов более девяти часов в день, то есть большую часть времени бодрствования (а их в опросе оказалось 64%), такие социальные контакты были определены как «непрерывные фоновые» и в подсчете средних использовано единое значение в 560 минут в день как максимальное.

Как показано в таблице 2, на личные очные социальные контакты со всеми субъектами в среднем затрачивается 4,2 часа, на контакты в аудио- и видеоформате — 2,8 часа в день, на цифровые письменные — 8,8 часов в день. Но при этом в отношении всех форм социальных контактов разброс поведенческих моделей очень велик (стандартное отклонение близко или даже превышает среднее значение по выборке). Таким образом, во время карантинных мер цифровые каналы коммуникации обеспечивают более половины возможностей для социальных контактов, существенно их расширяют.

Возрастная сегментация студенческой молодежи по интенсивности и формам социальных контактов довольно велика. Временная длительность контактов среди наиболее молодых групп (до 20 лет) значительно выше, чем среди других возрастных групп. В первую очередь это происходит за счет цифровых текстовых (письменных) контактов, на которые в младших возрастных группах тратится

значительно больше времени, чем в более старших. Различия в личном очном и аудио-видео контактах гораздо менее значительны.

В ходе исследования были обнаружены статистически значимые гендерные различия во временной интенсивности социальных контактов среди студенческой молодежи. У девушек на социальные контакты уходит на 25 % больше времени, чем у юношей. Основные отличия касаются личного очного общения — на такие контакты девушки тратят почти на 40 % больше времени, чем юноши. Гендерные различия в отношении цифровых текстовых (письменных) контактов также довольно велики — более чем на треть в пользу девушек. Временные затраты на общение через аудио- и видеосвязь статистически незначимы. Гендерные различия проявляются в отношении всех субъектов социальных контактов, что может говорить об особенностях «стиля ответов» на вопросы о затрачиваемом времени на общение: девушки систематически преувеличивают, а юноши преуменьшают, недооценивают это время. Но так как величина различий для разных форм социальных контактов и разных субъектов взаимодействия неодинакова, можно говорить, что помимо влияния методических факторов существуют содержательные поведенческие гендерные различия в реализации социальных контактов.

Среди условий и обстоятельств жизни наиболее заметное влияние на временную интенсивность социальных контактов и формы контактов оказывает наличие партнера, с которым строятся стабильные отношения. Для тех, кто находится в таких отношениях, партнер является основным субъектом общения. При этом задействуются все формы контактов — личная очная, аудио-видео и цифровая письменная. Среди респондентов, которые находятся в стабильных отношениях, временные затраты на общение с родительской семьей также увеличиваются, а на контакты с друзьями по телефону и по цифровой переписке, напротив, уменьшаются. На времени, затрачиваемом на цифровые текстовые контакты с широким кругом людей в социальных сетях, наличие партнера практически не сказывается.

В ходе исследования была проверена гипотеза о том, что увеличение частоты социальных контактов в виртуальной сфере ведет к сокращению личных очных и телефонных контактов, а также к уменьшению времени общения с родными и близкими. Такая гипотеза не нашла подтверждения на основе проанализированных данных. Цифровые контакты не только не снижают частоту социальных контактов со всеми другими субъектами, но, напротив, показывают позитивную корреляционную связь с ними (см. прил. 2). Интенсивность цифровых контактов линейным образом связана с интенсивностью личных очных контактов: те, кто тратит значительное количество времени на цифровые текстовые (письменные) контакты, также тратит много времени на личные очные. Частота цифровых письменных контактов коррелирует с частотой контактов через аудио- и видеоприборы слабее. Включенность в цифровые текстовые контакты не ведет к снижению интенсивности личных или аудио-видео контактов ни с родительской семьей, ни с друзьями.

Влияние интенсивности традиционных и цифровых форм социальных контактов на социально-психологическое самочувствие молодежи

Карантинные меры отразились на самых разных сторонах жизни студентов, но особенно значимое влияние оказали на общее социально-психологическое

состояние молодых людей. Ограничения свободы передвижения могут стимулировать чувство одиночества, изолированности, подавленности и тревожности. Более интенсивные и разнообразные социальные контакты, предположительно, могли бы смягчить последствия карантинных мер на психологическое состояние людей. В ходе анализа была проверена гипотеза о связи общей интенсивности социальных контактов и социально-психологического самочувствия во время карантинных мер, а также рассмотрен вопрос о дифференцированном влиянии форм социальных контактов, в том числе цифровых, на признаки депрессии.

Для оценки влияния карантинных мер на общее социально-психологическое состояние молодежи мы использовали сравнение данных Международного опроса о благополучии студентов в период коронавируса и данные Европейского социального исследования (ESS), волна 9 (2018—2019) по Шкале депрессии CES-D (Шкала депрессии Центра эпидемиологических исследований [Radloff, 1977]). В базе данных ESS для сравнения была выделена возрастная группа 17—25 лет — максимально близкая группа к выборке МОБС (см. табл. 3)⁴.

Факторный анализ (метод главных компонент) показал трехфакторное решение в вопросах о депрессии и в ESS, и в МОБС. В целях сравнения в анализ были включены восемь пунктов укороченной шкалы CES-D, используемой в ESS (хотя в МОБС используется расширенная версия Шкалы). На основе решения факторного анализа построены три индекса, характеризующие социально-психологическое состояние людей: Индекс депрессии, Индекс эмоционального подъема и Индекс социальной изолированности. Каждый из них измеряется по сконструированной шкале от 0 до 10.

В обычное время, к которому можно отнести ESS 2018—2019 гг., Индекс депрессии и отдельные ее составляющие в группе молодежи находится на довольно низком уровне: 3,95 по 11-балльной шкале. Индекс эмоционального подъема составляет 6,56 по 11-балльной шкале — около двух третей респондентов большую часть времени чувствуют себя счастливыми, и лишь немногим меньшая доля респондентов получает удовольствие от жизни. Негативные эмоции и депрессивное состояние испытывают менее 10% респондентов в молодежной группе (см. табл. 3). Во время карантинных мер Индекс депрессии увеличился почти в два раза — до 7,53; доля молодых людей, испытывающих признаки депрессии, составила более половины опрошенных.

Таким образом, можно говорить, что карантинные меры оказали значимое негативное влияние на социально-психологическое состояние студенческой молодежи. Более всего период карантина сказался на общем энергетическом уровне молодых людей, привел к росту вялости и апатии: большинство молодых людей стали испытывать постоянные трудности с тем, чтобы собраться, мобилизовать себя, чувствовали, что все дела даются с трудом. На общее эмоциональное состояние карантинные меры подействовали чуть меньше, хотя такие чувства, как одиночество, ощущение депрессии и беспокойный сон, стали проявляться существенно чаще и затронули около трети респондентов.

⁴ Подробная информация об PCI-ESS и методологии исследования размещена на международном вебсайте www.europeansocialsurvey.org и русскоязычном сайте www.ess-ru.org.

Таблица 3. Социально-психологическое состояние молодежи во время карантинных мер и в «обычный» период (% ощущающих большую часть времени или постоянно)

	ESS, 2018	МОБС, 2020
Чувствовали депрессию	7%	31%
Все, что делаете, дается Вам с трудом	10%	49%
Беспокойно спали	6%	28%
Были счастливы	69%	47%
Чувствовали себя одиноко	8%	32%
Получали удовольствие от жизни	62%	43%
Грустили	9%	42%
Не могли собраться, мобилизовать себя	8%	60%
Индекс депрессии (среднее значение Индекса по выборке)	3,95	7,53
Индекс эмоционального подъема (среднее значение Индекса по выборке)	6,56	5,33

Примечание. Данные ESS волна 9 для группы 17—25 лет, всего около 300 респондентов. Использованы те вопросы, которые были включены в оба исследования.

Исследование показало, что в условиях карантина наиболее благоприятно на поддержании хорошего социально-психологического состояния сказывается проживание с постоянным партнером/супругом или в родительском доме. В этом случае значения Индекса депрессии и Индекса социальной изолированности наименьшие, а Индекса эмоционального подъема — наибольшие (см. табл. 4). Позитивное влияние оказывает также наличие личного партнера. Наибольшее значение при появлении признаков депрессии имеет окружение, в котором человек живет. Жизнь с родительской семьей или с партнером ведет к наименьшему проявлению признаков депрессии и наибольшим значениям Индекса эмоционального подъема. Жизнь с людьми помимо семьи и одинокое проживание сопутствуют максимальным признакам депрессии и наименьшим проявлениям позитивных эмоций.

Сама по себе интенсивность социальных контактов не ведет к улучшению социально-психологического состояния молодых людей — связь со всеми тремя индексами статистически незначима и скорее даже негативно направлена (см. табл. 5). Влияние социальных контактов на психологическое состояние молодых людей в большей степени зависит от субъекта и формы контактов, чем от интенсивности контактов в целом.

Таблица 4. С кем живут респонденты во время карантина

	Индекс депрессии		Индекс эмоционального подъема		Индекс социальной изолированности	
	Средняя (μ)	СтО (σ)	Средняя (μ)	СтО (σ)	Средняя (μ)	СтО (σ)
Живет один	7,95	2,64	4,26	2,78	5,01	3,79
С семьей						
В том числе с супругом, партнером	7,70	2,41	4,80	2,76	4,43	3,43
Без супруга, партнера	7,74	2,40	4,69	2,74	4,65	3,46
Живет вместе людьми, не связанными личными или семейными отношениями	8,12	2,36	4,21	2,71	5,00	3,66

Таблица 5. Интенсивность социальных контактов с разными субъектами и социально-психологическое состояние

	Индекс депрессии		Индекс эмоционального подъема		Индекс социальной изолированности	
	Средняя (μ)	СтО (σ)	Средняя (μ)	СтО (σ)	Средняя (μ)	СтО (σ)
<i>Общая интенсивность контактов со всеми субъектами во всех формах</i>						
Фоновая (непрерывная)	7,87	2,26	4,69	2,67	4,66	3,47
Высокая	7,63	2,49	4,77	2,87	4,18	3,37
Средняя	7,81	2,41	4,74	2,87	4,41	3,51
Низкая	7,20	3,09	4,83	2,93	4,07	3,44
<i>Интенсивность контактов с родительской семьей</i>						
Фоновая (непрерывная)	7,51	2,21	5,26	2,57	4,41	3,41
Высокая	7,60	2,41	4,82	2,71	4,46	3,38
Средняя	7,97	2,25	4,45	2,71	4,75	3,42
Низкая	8,06	2,32	4,48	2,73	4,89	3,57
Не имеют контактов в этой форме	7,75	2,55	4,74	2,87	4,31	3,55
<i>Интенсивность контактов с партнером</i>						
Фоновая (непрерывная)	7,83	2,42	4,73	2,81	5,48	3,76
Высокая	7,71	2,36	4,63	2,50	4,90	3,41
Средняя	7,78	2,21	4,55	2,64	4,74	3,49
Низкая	8,16	2,32	4,61	2,87	5,04	3,57
Не имеют контактов в этой форме	7,72	2,44	4,77	2,81	4,27	3,41

	Индекс депрессии		Индекс эмоционального подъема		Индекс социальной изолированности	
	Средняя (μ)	СтО (σ)	Средняя (μ)	СтО (σ)	Средняя (μ)	СтО (σ)
<i>Интенсивность контактов с друзьями</i>						
Фоновая (непрерывная)	8,10	1,99	4,80	2,64	5,16	3,60
Высокая	7,73	2,37	4,77	2,70	4,56	3,39
Средняя	7,77	2,35	4,66	2,75	4,48	3,48
Низкая	7,80	2,43	4,77	2,88	4,26	3,44
Не имеют контактов в этой форме	7,05	3,39	4,28	3,02	4,13	3,75
<i>Интенсивность контактов с широким кругом</i>						
Фоновая (непрерывная)	8,00	2,26	4,67	2,72	5,00	3,53
Высокая	7,82	2,29	4,64	2,70	4,49	3,44
Средняя	7,60	2,45	4,75	2,74	4,15	3,29
Низкая	7,52	2,62	5,05	2,95	4,08	3,53
Не имеют контактов в этой форме	6,49	3,70	5,06	3,47	4,27	3,85

Примечание. Если ситуация не относится к респонденту (нет партнера, например), в подсчетах интенсивности контактов используется значение 0. Высокая интенсивность определена как 90 мин. в день и больше, средняя — от 20 до 90 мин. в день, низкая — менее 20 мин. в день.

Интенсивные по времени контакты в личной очной форме наиболее сильно и позитивно влияют на социально-психологическое состояние молодых людей. Среди тех, кто общается с другими людьми лицом к лицу значительное время в течение недели, Индекс депрессии ниже, чем среди тех, кто тратит на социальные контакты небольшое количество времени. Активные личные взаимодействия статистически позитивно связаны также с Индексом эмоционального подъема, но эффект выражен лишь при условии непрерывного или очень интенсивного общения. Индекс социальной изолированности также линейно коррелирует с временем, затрачиваемым на личное общение: чем больше времени затрачивается, тем ниже Индекс.

Таблица 6. **Формы социальных контактов и влияние на социально-психологическое самочувствие**

	Индекс депрессии		Индекс эмоционального подъема		Индекс социальной изолированности	
	Средняя (μ)	СтО (σ)	Средняя (μ)	СтО (σ)	Средняя (μ)	СтО (σ)
<i>Интенсивность личных очных контактов</i>						
Фоновая (непрерывная)	7.52	2.27	5.17	2.55	4.22	3.32
Высокая	7.65	2.40	4.84	2.78	4.36	3.45
Средняя	7.94	2.26	4.48	2.71	4.64	3.42

	Индекс депрессии		Индекс эмоционального подъема		Индекс социальной изолированности	
	Средняя (μ)	СтО (σ)	Средняя (μ)	СтО (σ)	Средняя (μ)	СтО (σ)
Низкая	8.09	2.34	4.52	2.78	4.78	3.58
<i>Дисперсионный коэффициент</i>	6,091**		4,253**		2,632*	
<i>Уровень значимости</i>	0,002		0,014		0,072	
<i>Интенсивность контактов по телефону (аудио)</i>						
Фоновая (непрерывная)	7.84	2.10	5.04	2.65	4.77	3.60
Высокая	7.69	2.38	4.82	2.71	4.64	3.45
Средняя	7.72	2.34	4.68	2.70	4.42	3.39
Низкая	7.88	2.36	4.70	2.77	4.37	3.46
Не имеют контактов в этой форме	7.68	3.02	4.36	3.15	4.62	3.74
<i>Дисперсионный коэффициент</i>	1,525		0,596		1,480	
<i>Уровень значимости</i>	0,218		0,551		0,228	
<i>Интенсивность цифровых письменных контактов</i>						
Фоновая (непрерывная)	8.01	2.20	4.59	2.61	4.94	3.50
Высокая	7.76	2.33	4.72	2.78	4.37	3.41
Средняя	7.48	2.55	4.83	2.86	4.14	3.39
Низкая	7.50	2.65	5.07	2.87	3.84	3.38
Не имеют контактов в этой форме	6.28	3.92	5.07	3.65	4.49	4.00
<i>Дисперсионный коэффициент</i>	2,560*		1,418		2,388*	
<i>Уровень значимости</i>	0,078		0,242		0,092	

Примечание. В однофакторном дисперсионном анализе проверена гипотеза о независимости двух переменных — использование разных форм контактов в минутах и Шкалы эмоционального состояния со значениями от 0 до 10.

Связь социально-психологического состояния и интенсивности социальных контактов через устройства-посредники (аудио- и видеосвязь) менее очевидна. Корреляция с Индексом депрессии статистически незначима, однако проявляется в отношении Индекса эмоционального подъема: позитивные эмоции чаще испытывают люди с наиболее активными контактами по телефону и в видеоформате и гораздо реже их испытывают те, кто вообще не имеет подобных контактов. Индекс социальной изолированности статистически связан с интенсивностью таких контактов, хотя различия между группами меньше, чем в случае очных контактов.

Цифровое письменное общение линейно-позитивно связано со всеми тремя Индексами : чем интенсивнее общение, тем ниже Индекс депрессии и Индекс социальной изолированности и выше Индекс эмоционального подъема.

Субъект социального контакта оказывает значимое влияние на социально-эмоциональное состояние молодых людей. Для них особенно важна частота контактов

с семьей, родственниками: чем интенсивнее эти контакты, тем ниже Индекс депрессии и Индекс социальной изолированности и выше Индекс эмоционального подъема (см. табл. 5). Частота контактов с партнером и с друзьями с Индексом депрессии и Индексом эмоционального подъема коррелирует слабо, а с Индексом социальной изолированности такая связь статистически значима.

Цифровые текстовые (письменные) контакты с широкой аудиторией в социальных сетях оказывают противоречивое влияние на социально-психологическое состояние молодежи. Высокая интенсивность таких контактов сопровождается более высоким уровнем Индекса депрессии и более высоким уровнем Индекса социальной изолированности. При наиболее низкой частоте таких контактов зафиксировано наиболее высокое значение по Индексу эмоционального подъема. Остается под вопросом каузальная направленность этой взаимосвязи. Можно предположить ее двусторонний характер: люди, которые очень много времени проводят или постоянно находятся в социальных сетях, начинают испытывать симптомы депрессии и социальной изолированности, и, напротив, те, кто находится в депрессии и испытывает чувство одиночества, начинает больше времени проводить в социальных сетях, так как наладить контакты в сети легче и быстрее, чем в личной очной форме.

Заключение

Во время карантинных мер общение с разными группами остается одним из центральных событий в каждодневной жизни студенческой молодежи, важнейшей частью образа жизни этой группы. Социальные контакты поддерживаются с помощью цифровых технологий и цифровых форм общения. «Цифровая жизнь» занимает более трети всего ежедневного активного времени студенческой молодежи, а для значительной ее части проходит в непрерывном, фоновом режиме.

При обсуждении вопроса о цифровизации социальных контактов большие опасения вызывает возможное влияние на качество таких контактов и сокращение значимости и времени контактов с семьей. Полученные данные показывают, что цифровое общение не заменяет личное в отношении семьи и близких, но дополняет имеющиеся возможности. Благодаря цифровым каналам увеличиваются интенсивность и частота общения с личным партнером и друзьями, расширяется круг общения за счет использования социальных сетей и включенности в электронные неформальные группы по интересам. В наименьшей степени цифровизация влияет на профессиональную трудовую жизнь студентов, где телефонное общение остается более значимым, чем цифровое.

Однако однозначно позитивным распространение цифровых технологий и их внедрение в социальную жизнь молодежи также считать нельзя, влияние скорее двойственное. С одной стороны, расширяются межпоколенные, личные и общие социальные контакты. В период карантинных мер и опасности пандемии цифровые контакты позволили существенно снизить риски социальной изоляции, сохранить многие социальные связи и стабильность системы социальных отношений. С другой стороны, высокая интенсивность таких контактов связана с негативными социально-психологическими симптомами, признаками депрессии и социальной изолированности.

Высокая частота социальных контактов как таковая не ведет к улучшению социально-психологического состояния людей. Влияние социальных контактов на психологическое состояние студенческой молодежи в большей степени зависит от субъекта и формы контактов, чем от их временной интенсивности. Большое количество времени, затрачиваемое на общение с близкими людьми — родственниками, партнером/супругом, друзьями и коллегами, положительным образом влияет на социально-психологическое состояние людей, уменьшает вероятность проявления симптомов депрессии и одиночества. Напротив, длительное общение с широким кругом людей в цифровом текстовом формате (в социальных сетях) скорее негативно влияет на психологическое самочувствие людей и увеличивает ощущение одиночества и изолированности.

Список литературы (References)

Агеев А. И., Аверьянов М. А., Евтушенко С. Н., Кочетова Е. Ю. Цифровое общество // Экономические стратегии. 2017. № 1. С. 114—125. URL: <http://www.inesnet.ru/article/cifrovoe-obshhestvo-arhitektura-principy-videniya/> (дата обращения: 10.12.2020).

Ageev A. I., Averiyarov M. A., Evtushenko S. N., Kochetova E. Y. (2017) Digital Society. *Ekonomicheskie Strategii*. No. 1. P. 114–125. URL: <http://www.inesnet.ru/article/cifrovoe-obshhestvo-arhitektura-principy-videniya/> (accessed: 10.12.2020). (In Russ.)

Гнатышина Е. В., Саламатов А. А. Цифровизация и формирование цифровой культуры: социальные и образовательные аспекты // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 8. С. 19—23. URL: http://vestnik-cspu.ru/upload/pdf/issues/2017/2017_8.pdf (дата обращения: 10.12.2020).

Gnatishina E. V., Salamatov A. A. (2017) Digitalization and Formation of Digital Culture: Social and Educational Aspects. *Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University*. No. 8. P. 19–23. URL: http://vestnik-cspu.ru/upload/pdf/issues/2017/2017_8.pdf (accessed: 10.12.2020). (In Russ.)

Голубева Н. А. Феноменология межличностного и межгруппового общения современной молодежи в реальном и виртуальном пространстве // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018 № 2. С. 45—59. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2018-2-45-59> (дата обращения: 10.12.2020).

Golubeva N. A. (2018) Phenomenology of Interpersonal and Intergroup Communication of Modern Youth in Real and Virtual Space *RSUH/RGGU Bulletin. Series «Psychology. Pedagogics. Education»*. No. 2. P. 45–60. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2018-2-45-59> (accessed: 10.12.2020). (In Russ.)

Горошко Е. И. Современные Интернет-коммуникации: структура и основные характеристики // Интернет-коммуникация как новая речевая формация. М.: Наука, Издательство «Флинта», 2012. С. 9—52. URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?ald=232> (дата обращения: 10.12.2020).

Goroshko E. I. (2012) Modern Internet-Communications: Structure and Main Characteristics. In: *Internet-Communication as New Linguistic Formation*. Moscow: Nauka,

“Flinta” Publishing House. P. 9–52. URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?ald=232> (accessed: 10.12.2020). (In Russ.)

Жулего В. Г., Балякин А. А., Нурбина М. В., Тараненко С. Б. Цифровизация общества: новые вызовы в социальной сфере // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 9. Ч. 2. С. 36–43. URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=718> (дата обращения: 10.12.2020).

Zhulego V. G., Balyakin A. A., Nurbina M. V., Taranenko S. B. (2019) Digitalization of the Society: New Challenges in Social Sphere. *Vestnik Altaiskoi Akademii Ekonomiki i Prava*. No. 9. Part 2. P. 36–43. URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=718> (accessed: 10.12.2020). (In Russ.)

Коваленко Д. Г. Коммуникации молодежи в интернет-среде: феномен массовости // Социология власти. 2011. № 4. С. 75–83.

Kovalenko D. G. (2011) Youth Communications in Internet Environment: Phenomenon of Large-Scale Participation. *Soziologiya vlasti*. No. 4. P. 75–83.

Коршунова С. А. Молодежь как активный субъект развития современного цифрового общества // Россия и мировые тенденции развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции Омск, 13–15 мая 2019 г. / науч. ред. П. Г. Макухин. 2019. С. 124–129.

Korshunova S. A. Youth as Active Subject of the Development of Modern Digital Society. (2019) In: Makuchin P. G. (ed.) *Russia and World Development Trends. Materials of Russian Scientific-Practical Conference Omsk, 13–15 of May 2019*. P. 124–129. (In Russ.)

Патрикеева Э. Г. Влияние виртуального пространства сети Интернет на жизненные ценности современной молодежи // Молодой ученый. 2015. № 10. С. 1342–1346. URL: <https://moluch.ru/archive/90/18990/> (дата обращения 11.12.2020).

Patrikeeva E. G. (2015) Impact of Virtual Space of Internet on Life Values of Modern Youth. *Molodoi Ucheny*. No. 10. P. 1342–1346. URL: <https://moluch.ru/archive/90/18990/> (accessed: 11.12.2020). (In Russ.)

Пеньков В. Ф., Маркарян Т. А. Молодежные коммуникации как феномен информационного общества // Вестник Тамбовского университета. 2018. Т. 4. № 13. С. 39–46. URL: <http://journals.tsutmb.ru/go/2413-6840/2018/13/39-46/> (дата обращения 11.12.2020).

Penkov V. F., Markaryan T. A. (2018) Youth Communication as an Informational Society Phenomenon. *Vestnik Tambovskogo Universiteta. Seriya Obshchestvennye Nauki*. Vol. 4. No. 13. P. 39–46. URL: <http://journals.tsutmb.ru/go/2413-6840/2018/13/39-46/> (accessed: 11.12.2020). (In Russ.)

Первушина В. Н., Савушкин Л. М. Особенности коммуникации в киберпространстве // Вестник ВГУ. 2017. № 1. С. 59–71. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylosophy/2017/01/2017-01-05.pdf> (дата обращения 11.12.2020).

Pervushina V. N., Savushkin L. M. (2017) Peculiarities of Communication in Cyberspace. *Vestnik VGU*. No. 1. P. 59–71. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylosophy/2017/01/2017-01-05.pdf> (accessed: 10.12.2020). (In Russ.)

Boulianne S., Yannis T. (2020) Young People, Digital Media, and Engagement: A Meta-Analysis of Research. *Social Science Computer Review*. Vol. 38. No. 2. P. 111–127. <https://doi.org/10.1177/0894439318814190>.

Davydov S., Maltseva D., Sharikov A., Logunova O., Zadorin I. (2020) Digital Literacy Concepts and Measurement. In: Davydov S. (ed.) *Internet in Russia: A Study of the Rунet and Its Impact on Social Life*. Cham: Springer. P. 103–120. https://doi.org/10.1007/978-3-030-33016-3_6.

Hill M. S. (1988) Marital Stability and Spouses' Shared Time: A Multidisciplinary Hypothesis. *Journal of Family Issues*. Vol. 9. No. 4. P. 427–451. <https://doi.org/10.1177/019251388009004001>.

Hochschild A. R. (1997) *The Time Bind: When Work Becomes Home and Home Becomes Work*. New York, NY: Metropolitan Books.

Ickes W., Duck S. (2000) *The Social Psychology of Personal Relationships*. New York, NY: Wiley.

Katzenbach C., Bächle T. C. (2019) Defining Concepts of the Digital Society. *Internet Policy Review*. Vol. 8. No. 4. <https://doi.org/10.14763/2019.4.1430>.

Marlowe J. M., Bartley A., Collins F. (2016) Digital Belongings: The Intersections of Social Cohesion, Connectivity and Digital Media. *Ethnicities*. Vol. 17. No. 1. <https://doi.org/10.1177/1468796816654174>.

Onyeator I., Okpara N. (2019) Human Communication in a Digital Age: Perspectives on Interpersonal Communication in the Family. *New Media and Mass Communication*. Vol. 78. <https://doi.org/10.7176/nmmc/78-06>.

Radloff L. S. (1977) The CES-D Scale: A Self-Report Depression Scale for Research in the General Population. *Applied Psychological Measurement*. Vol. 1. No. 3. P. 309–330. <https://doi.org/10.1177/014662167700100306>.

Roeters A., Lippe T. van der, Kluwer E. S. (2010) Work Characteristics and Parent-Child Relationship Quality: The Mediating Role of Temporal Involvement. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 72. No. 5. P. 1317–1328. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2010.00767.x>.

Приложение 1. Бюджеты времени на социальные контакты с разными субъектами среди основных социально-демографических групп и при разных условиях жизни (минуты)

Формы социальных контактов с разными субъектами	Пол		Стабильные отношения		Место жительства		Наличие работы	
	Мужчины	Женщины	Находятся в стабильных отношениях	Не находятся в стабильных отношениях	Во время опроса живут в родительском доме	Живут отдельно от родителей	Имеют работу	Не имеют работы
Личное очное с родителями и членами родительской семьи	175	230	238	203	206	264	219	217
Личное очное с супругом/партнером	144	189	200	148	176	187	189	174
Цифровое текстовое: чтение информации в социальных сетях	153	176	168	172	174	164	160	175
Цифровое текстовое (письменное): переписка в социальных сетях	138	181	169	169	182	147	156	177
Цифровое письменное с супругом/партнером	148	161	171	136	161	143	151	160
Цифровое письменное с друзьями	108	146	122	147	147	115	122	143
Аудио-видео с супругом/партнером	105	114	121	85	113	107	116	111
Личное очное с друзьями	107	129	123	124	121	127	124	122
Аудио-видео с коллегами	73	95	89	89	94	80	77	98
Аудио-видео с друзьями	79	88	75	91	91	73	78	88
Цифровое письменное с коллегами	62	71	66	71	74	60	69	69
Аудио-видео с членами родительской семьи	57	77	81	67	70	80	73	73

Приложение 2. Цифровая и другие формы социальных контактов по субъектам, %

Формы социальных контактов	Интенсивность цифровых письменных контактов			
	Фоновое	Высокая	Средняя	Низкая
Личные очные контакты				
Фоновое	25	10	6	2
Высокая	49	43	27	9
Средняя	17	30	36	20
Низкая	4	11	23	52
Аудио-видео контакты				
Фоновое	12	1	1	0
Высокая	50	28	9	2
Средняя	24	40	29	7
Низкая	9	24	56	82
Не используется этой формой	5	8	5	9
Субъекты социальных контактов				
<i>Контакты с родителями и членами родительской семьи (все формы)</i>				
Фоновое	22	9	5	1
Высокая	48	41	26	10
Средняя	19	31	34	18
Низкая	4	12	25	53
Не имеет таких контактов	7	7	9	18
<i>Контакты с друзьями (все формы)</i>				
Фоновое	24	1	0	0
Высокая	59	37	6	1
Средняя	14	44	34	3
Низкая	2	15	56	93
Не имеет таких контактов	1	3	4	3

Примечание. К цифровым отнесены контакты со всеми субъектами в цифровой письменной форме.